

Навстречу мечте через труд и познание

Одни люди проживают жизнь по инерции, радуются удачам и расстраиваются, когда они обходят их стороной, сетуя при этом на судьбу, другие путем проб и ошибок ищут свое предназначение, а найдя – следуют ему неотступно. Зенон ЛОВКИС, директор Научно-практического центра НАН Беларуси по продовольствию, член-корреспондент, с юности вооружившись твердой волей, терпением и настойчивостью, пройдя не одно испытание и преодолев не одно препятствие, преуспел в поиске дела своей жизни. Уверенный, по-отечески добрый и строгий, когда в этом есть необходимость, он и сегодня стремится постичь все сам, чтобы обрести собственный опыт, дающий право руководить, направлять и оценивать.

– Каждая фамилия имеет свою тайну, историю происхождения и, конечно, свою энергетику, дарует определенные черты характера тем, кто ее носит. Что можно сказать о вашей фамилии?

– Скорее всего, она прибалтийская, хотя сам я белорус. Мои прадед, дед, отец родились и прожили свою жизнь на западных рубежах нашей многонациональной родины, в деревне Можейки Поставского района. Они занимались сельским хозяйством. Поэтому у меня не могло быть

иного пути, чем тот, на который вывела судьба. Старожилы рассказывали, что семья наша все-таки пришлая, прапрадед переехал из-под Даугавпилса. Сейчас это латышская территория. Только связей у нас там не осталось. Да и кто вспомнит? Ведь сколько воды утекло! Фамилия Ловкис в деревне распространенная, принадлежит близкой и дальней родне. Интересно, что в Поставском районе вдоль границы расположена еще одна деревня, где также проживают Ловкисы. Может статься, что это тоже родственники. А еще в Лидском районе есть деревня Можейки и там тоже живут Ловкисы. Лишь одно слово в полной мере соответствует нашей фамилии – трудяги. Ловкис – человек, который трудится с утра до ночи не покладая рук. Эта потребность впитывается с молоком матери и передается из поколения в поколение. Возможно, кто-то умеет жить по-другому, но у нас, у Ловкисов, только так.

– Как бы вы определили свои жизненные вехи?

– На мой взгляд, это спирали протяженностью в 16 лет. Детство-юношество – первые 16 лет, затем столько же я провел в Москве, отдал 16 лет образовательному процессу в Белорусском аграрно-техническом университете в Минске и вот уже 16-й год работаю генеральным директором сначала БелНИИ пищевых продуктов, а с 2006 г. – Научно-практического центра НАН Беларуси по продовольствию.

– В чем знаковость этих витков?

– Каждый из них – это самостоятельный урок жизни, из переплетений которых сложилась моя судьба. Детство, начальная школа, восьмилетка, техникум... В первом круге было положено начало труда. Шаг за шагом я готовился к будущему, учился работать. Когда меня, малыша, родители пытались оставить дома, запирая дверь на замок, то я умудрялся выскользнуть в окно и бежал туда, где они работали.

Уже к седьмому классу умел управляться с лошадьми, косить траву и овес, укладывать сено на возу, окучивать картофель, получил еще с десятка крестьянских навыков. Работал дома и в колхозе. А ведь за труд никто не платил, даже трудодни не засчитывались. Больше всего любил лошадей. Поднимался ни свет ни заря и бежал на выпас, чтобы первому взять лошадку с покладистым характером.

Жизнь в наших краях до 1952 г. была тревожной. В лесах скрывалось много банд. Приходилось хорониться от «лесных братьев». Если самим удавалось уцелеть, то уж скотине было не выжить: они всю живность тут же резали и забирали с собой. Что ни заведи, все равно заберут как свое. Так что, несмотря на тяжелый труд, достатка не было ни в нашей семье, хотя отец был бригадиром, ни в любой другой. Спасала бульба и то, что росло в лесу и в огороде.

Дорога в школу была неблизкой. Первые четыре года я ходил в соседнюю деревню Курты за полтора километра. А потом в пятый-седьмой класс приходилось каждый день до школы в деревне Ярево и обратно преодолевать по 6 километров. Я плоть от плоти белорусский крестьянин и потому мечтал создать механизмы, позволяющие облегчить полевые работы на селе. После окончания семилетки поехал учиться в Городокский техникум механизации и электрификации сельского хозяйства. Почти пять лет учебы позволили получить не только диплом техника-механика с отличием, но и освоить профессии водителя, механизатора широкого профиля, токаря и электрогазосварщика. Потом полтора года работал сначала техником, потом инженером-механиком в колхозе им. И.В. Мичурина Поставского района и уже было готовился пойти в армию, даже постригся, но получил отсрочку, сыгравшую, пожалуй, знаковую роль в моей жизни. Председатель колхоза Михаил Корней по неосторожности травмировал обе ноги. Случилось это в самый канун посевной. Меня вызвал секретарь райкома партии Федоров и сказал, что кроме меня возглавить работы в колхозе некому, был я на тот момент самым квалифицированным специалистом. Колхозный бухгалтер и бригадир тракторной бригады имели по четыре класса образования, а агроном Иван Шаколо, кстати, будущий министр сельского хозяйства Беларуси, только только заступил на должность после окончания техникума. Так что я к тому времени,

уже полтора года «покрутившись» в колхозе, был признан спецом, невесть каким, конечно, но мне доверили закончить посевную, а потом и уборку кормов. По этому случаю и получил я отсрочку от армии до осени. В возрасте неполных 19 лет пришлось взять на себя ответственность. В самом конце июля вернулся на работу председатель Михаил Иванович и подтолкнул меня к мысли, что раз в армию не призвали, а до осени далековато, лучше всего поступать в институт. Прислушался к его мудрому совету, в день собрался и отправился в Минск.

– Но окончили вы Московский государственный агроинженерный университет им. В.П. Горячкина?

– Не успел в срок подать документы в БИМСХ. Пока добрался рейсовым автобусом до Минска, нашел институт, было уже четыре часа пятницы. Набор был закрыт. В приемной комиссии порекомендовали приезжать на следующий год. Просто вернуться домой я не мог. Посидел на вокзале, подумал, посмотрел, что до Москвы ходят поезда, и купил билет.

– Что-то же вас все-таки подтолкнуло?

– Зацепочка была одна. Вручая диплом об окончании техникума, завуч Лев Иванович Козлов посоветовал мне и моему сокурснику, тоже отличнику, Николаю Гвоздеву поступать в Московский институт инженеров сельскохозяйственного производства им. В.П. Горячкина. Тогда эта информация пронеслась мимо, но когда встал вопрос, что делать дальше, всплыла в памяти. В субботу утром я был в Москве, нашел институт, но и там прием документов был закончен, мне лишь посоветовали дожждаться понедельника и предложили переночевать в спортзале на тюфяке. Я был удивлен: полный зал ожидающих абитуриентов... В понедельник утром пошел в деканат, декан принял меня, послушал и, полистав документы, сказал: «Такие люди нам нужны». Дал команду принять документы. Красный диплом тогда не давал права поступать без экзаменов, так что пришлось мне их сдавать.

– И начинается московский этап жизни...

– Эта учеба для меня стала серьезным повышением квалификации. В техникуме я научился учиться. Там действовала строго предметная система подготовки: основные и вспомогательные предметы, «подстилочные» и специализированные. Педагоги умело раскладывали все

по полочкам: что должно быть на верхней, что на нижней. В институт я поступил специалистом инженерного направления и по жизни так в нем и остался. Учился у великих ученых, знаком со школами Болтинского, Желиговского, Турбина и др. Эти педагоги давали серьезные теоретические знания. Однако главная наука, которую я постиг в Москве – рассчитывать можно только на себя. Когда учился на втором курсе, умер отец, и мне пришлось больше помогать матери. На мне лежала забота о дровах, сене для скотины, посадка и уборка картофеля. Приходилось часто летать в Беларусь, а для этого нужны были деньги. Я находил возможность работать кочегаром, охранником, грузчиком. С учебой проблем не было благодаря знаниям, полученным в техникуме. К третьему курсу относятся мои первые шаги в науке, когда были замечены мои навыки и способности в черчении. Мне поручили подготовить техническую документацию для одной научно-исследовательской работы. Занятие меня увлекло, стал вносить рациональные предложения по изменениям конструкции, начал проводить собственные исследования. Первый серьезный проект был по гальваническим процессам. На мне были расчетная и проектная части, подготовка технической документации, на основании которой потом делали гальваническое покрытие определенных деталей: прецизионных, золотниковых. Эту работу оценили и после окончания института предложили пойти в аспирантуру. С другой стороны, после военной кафедры открывалась перспектива военного, можно было поехать служить в ГДР. Но я в надежде вернуться домой похлопотал о запросе из Витебского облисполкома, однако когда пришел в Тимирязевский комиссариат сняться с учета, то полковник сказал, что меня ждут в институте. Почему так случилось, осталось для меня загадкой.

– Что вы успели сделать за московский период?

– Женился, родилась дочь. Написал диссертацию, защитил в 1975 г. Занимался исследованием гидравлических систем трактора МТЗ. Нашей группой были созданы так называемые регуляторы, которые при пахоте позволяли нести нагрузку и удерживать положение агрегата в автоматическом режиме. Это было впервые. Потом эти наработки использовались в серийном производстве. Исследовательскую часть и испытания проводили в Одессе,

на Подмосковной испытательной станции, где нас воспринимали как настоящую квалифицированную интеллектуальную рабочую силу.

– Стремительный карьерный рост. Преподаватель, старший преподаватель, доцент. Своя отраслевая лаборатория, серьезная наука, первые аспиранты, квартира в Москве... Что вас потянуло в Минск?

– Видимо, каждому свое. Мой двоюродный брат говорит, что Москву ни на что не променяет. А мне, хотя и нравился коллектив, работа, было суетно в Москве, стесняла постоянная толкотня, не устраивал ритм жизни. Я простой деревенский парень, мне больших трудов стоило вписываться в жизнь мегаполиса, к тому же мать нуждалась в помощи. Я осознал, что могу тем же любимым делом заниматься и в Беларуси.

– Насколько равноценный был обмен?

– Что касается бытовых вопросов, то обмен квартир прошел успешно, а вот с коллективом в Белорусском государственном аграрном институте было сложно. Случались минуты, когда хотелось все оставить и вернуться в Москву, тем более что звали меня обратно. Но сдать я не мог себе позволить. Моя теоретическая база и практический опыт, моя неуспокоенность вызывали раздражение у белорусских коллег. Однако это не помешало перевезти из Москвы все оборудование и организовать отраслевую научно-исследовательскую лабораторию «Гидропривод сельхозмашин».

– И что, вот так запросто разрешили?

– Был Советский Союз, одна собственность. Конечно, велась переписка, шло согласование, но все получилось. С появлением нового современного оборудования началась другая работа. Пришлось укреплять позиции в БИМСХ, проявить характер, поставить все на свои места, сказать, что буду работать только на себя. Ректор, оценив мои усилия, предложил возглавить кафедру теории машин и механизмов, а потом создать кафедру гидравлики и гидравлических машин. Уверен, для того, чтобы стать лидером в научном сообществе, нужно много над собой работать, вести серьезные научные проекты, преподавать, заниматься аспирантами. В 1989 г. за высокую экономическую эффективность картофелекомбайнов КПК-3 и КПК-201 мы получили премию Совета Министров СССР. Эта премия была рассчитана на пять лет. Советский Союз развалился, но и годовой ее выплаты

хватило на то, чтобы поправить материальное положение института. Жизнь не остановить, мы работали над новыми установками, стендами, издавали книги и методички. В мае 1990 г. защитил докторскую диссертацию, в сентябре было присвоено звание профессора. За 16 лет работы в Белорусском государственном аграрно-техническом университете, мной подготовлено 16 кандидатов наук. Сейчас у меня их 29 и один доктор наук.

– Помните ли вы своего первого аспиранта?

– Как забыть? Иван Бендера из Украины – первый ученик, написавший, кстати, диссертацию в отведенный для этого трехлетний срок. Интерес и серьезность научно-исследовательских работ в области гидроприводов, заказы производителей вынудили меня прибегнуть к помощи ассистентов и студентов старших курсов. К тому же много времени уходило на партийную, воспитательную и другую общественную работу. Взяв же на себя ответственность в подготовке аспиранта, проводил с ним в лабораториях, мастерских, на испытательном полигоне массу времени. Через наши руки прошла не одна тонна металла, прежде чем был создан роторный плуг с гидроприводом активных роторов. Так и повелось, что вместе с каждым из последующих аспирантов мы искали, изобретали, испытывали и внедряли. Сегодня отрадно осознавать, что рядом со мной всегда были те, кто разделял не только мои взгляды, но был также терпелив и настойчив, увлечен наукой и инженерией.

– Зенон Валентинович, ваш опыт общественной деятельности пригодился вам?

– Школа парторга курса, кафедры, заместителя секретаря партийного бюро института не прошла бесследно. В БИМСХ я был избран председателем профкома. Кстати, этот статус помог тогда добиться выделения участков под дачный и коттеджный кооперативы для преподавателей института, решать другие хозяйственные вопросы.

– Ваша докторская получила прописку в реальном секторе экономики?

– Сейчас требуют, чтобы докторская была на уровне открытия, изобретения. Для нашего времени вопрос так не стоял, это было само собой разумеющимся: все, над чем мы работали, имело, кроме теоретической части, практическое

воплощение. Докторская содержала патенты и акты внедрения, и не на бумаге, а в жизни. Изобретения в технических науках – результат поисковых и научных исследований, именно они подтверждают новизну технического решения. У меня 105 авторских свидетельств и патентов на технологии, способы, технические средства, методички. Приятно видеть плоды своего труда в серийном производстве. Самыми востребованными стали патенты на способ рыхления органических сред, гидропривод активных рыхлителей, моечную машину и другие.

– Защита докторской завершила очередной 16-летний цикл? Вы из педагога перешли в ранг учителя и далее исследователя?

– Мои аспиранты – это моя научная школа, если хотите. Это самый сложный этап, потому что он требует от тебя непрерывного развития компетенций, повышения квалификации, каждодневной учебы. Нужна подготовка, ты не можешь ошибиться, ты должен намечать маршрут движения для ученика, вооружить его методикой и методами исследования, которые в итоге дадут результат. Вот что было моим третьим витком. Между ним и четвертым кругом была административно-управленческая работа. Это требовало определенной ломки характера, а с моей прямолинейностью и обостренным чувством справедливости, наличием позиции, которая по многим вопросам не всегда согласовывалась с общепринятыми подходами, было сложно, но самое главное – я не хотел и не мог жить, чувствуя себя не в своей стихии.

– Вам пришлось воевать с ветряными мельницами?

– Не совсем так. Система была такая, что наши техникумы – а их у нас на начало 2000-х оставалось 30, были завязаны на колхозы, были такими совхозами-техникумами. Будучи чиновником Министерства сельского хозяйства, я курировал их и лучше всех знал степень накопившихся проблем. Финансирование шло через Министерство финансов, но, как часто бывает, денег на образовательный процесс не хватало. Всегда находились уважительные причины, по которым их снимали то на посевную, то на приобретение семян, кормов и прочее. Мне пришлось доказывать исполкомам и другим организациям необходимость отделения хозяйств от техникумов. Сегодня могу с гордостью сказать, что своевременное вмешательство в этот процесс позволило спасти, сохранить

эти учебные заведения. За ними, конечно, остались опытные участки для практики, но техникумы стали получать так необходимое для них финансирование.

– У вас были единомышленники?

– Все руководители техникумов. Но были и те, кто так не считал, имел другую позицию. Пришлось многое решать на уровне облисполкомов. Получилось воплотить в жизнь еще ряд важных, на мой взгляд, мероприятий. Мы организовали и провели фестиваль «Аграрная весна – 1» и праздник «Спортивная весна». Отрадно то, что последний живет до сих пор. Впрочем, ряд руководителей техникумов, которых когда-то Ловкис назначал, работают и поныне. Это были напряженные годы. Был не менее ответственный период – работа в концерне «Белгоспищепром». Используя свои контакты и связи с Москвой, мы договорились о подготовке специалистов для сахарной и масложировой промышленности. Для учебы от предприятий были отобраны абитуриенты. Собрали лучших, провели тестирование и отвезли группу из 20 человек в Москву. Все белорусские студенты Московского института пищевой промышленности получили общежитие и стипендию. После окончания вернулись на свои предприятия квалифицированными специалистами.

– С приходом в Академию наук вы поднялись на новый уровень – уровень творческой самореализации, а из инженера-механика стали инженером-исследователем. За что не стыдно перед собой и перед другими, что радует сердце?

– Мне не совестно смотреть руководству в глаза, организация не стоит с протянутой рукой, не просит «дайте денег». Мы зарабатываем сами, мы востребованы. Труд нашего коллектива и труд каждого сотрудника важен. Мне приятно, что люди с удовольствием ходят на работу, вовремя получают зарплату. Хотя если вернуться назад, то свой нынешний виток я начинал фактически с фундамента. В моем распоряжении оказалось бросовое здание института, но зато самые преданные делу люди. И вот с ними рука об руку мы восстанавливали это здание. Нужно было не только укрепить фундамент, а создать практически с нуля материальную базу, подобрать недостающие кадры, решить вопросы информационно-технического обеспечения, организовать аспирантуру

и совет по защите. В центре функционирует Республиканский контрольно-испытательный комплекс, где работают квалифицированные специалисты. Они стоят на страже качества, и безопасности продовольственного сырья, продуктов питания. Ими ежедневно проверяется не один десяток пищевых продуктов, которые завозятся в Беларусь и вывозятся из нее, разрабатываются новые методы и методики, стандарты, гармонизированные с европейскими. И, по мнению западных коллег, посещавших центр, у нас все поставлено ничуть не хуже, чем у них.

– Бытует мнение, что каждое научное направление, школа, живы до тех пор, пока жив их основатель. Убери его из процесса – и они быстро потеряют свои позиции. Есть ли надежда, что в вашем случае тот, кто придет после вас, не разрушит выпестованное, не начнет с ломки и перекраивания?

– Сегодня институт – кузница кадров. Два из трех моих заместителей – бывшие ученики. Встречаясь с ними каждодневно, работая рука об руку, вольно или невольно передаешь свои навыки, характер. Что-то удастся лучше, что-то хуже, ты учишь и учишься. Честно признаться, мне не хотелось бы, чтобы кто-то пришел в институт совсем со стороны, привел новую команду и разрушил основы нашей работы. Прочный фундамент – базис всего здания, а он прочен, и все, что нужно, – идти дальше, вперед, расширяться и развиваться.

– То есть вы уверены, что та концепция и система, которые заложены вами и командой, будет прирастать новыми знаниями и возможностями?

– У нас много планов, начинаний. И отказаться от них вряд ли получится. Так, мы создаем необходимые предпосылки для развития Института питания, открыли отдел питания. Сделали в этом направлении еще шаг: подготовили учебные пособия для школ и детских садов, раздали их преподавателям для апробации, ведь обучать правильному питанию нужно с детства.

Недавно центр отметил свое пятнадцатилетие. За эти годы разработаны и реализованы сотни проектов, создано 9 тысяч новых продуктов питания, все они конкурентоспособны и безопасны. И это не предел. Впереди много работы во благо каждого человека. ■